

В Каверин

МЫСЛИ О МОЛОДЕЖИ

Слово Вениамину КАВЕРИНУ

чел множество дневников, писем, даже исповедей. И убедился в конце концов, что пишу книгу не только о молодежи, но и о себе. Это отнюдь не «передача опыта» в общепринятом смысле слова. Размышляя о своей жизни, о горестях и радостях своего поколения, я невольно обращаюсь к молодому читателю. Видимо, иначе и не могу.

Существует ли водораздел между миром взрослых и миром подрастающего поколения? Каковы идеалы молодежи, какова цель жизни?

Мир юношества так же бесконечно разнообразен, как мир взрослых. Разница заключается только в том, что он находится в состоянии неустойчивого равновесия. Это шаткий мир. Одни пытаются натянуть на себя маску взрослого, сложившегося человека. Среди них есть молодые карьеристы, те, кто потребительски относится к жизни. Их легко различают и очень не любят в школьной среде: недаром одного юношу товарищи называли «Чичиков», «Чичиковы» меньше всего интересуются «стариками», предвоступающим поколением. Они жаждут к личному благополучию. И только.

Больше всего у меня надежды на тех молодых людей, которые ощущают себя участниками истории. Поясню: размышляя и трезво оценивая прошлое (в том числе и недавнее) нашей страны. Ясно, что мои симпатии на стороне молодежи мечтающей. Главная ее черта — поэтическое отношение к действительности. Но это отнюдь не отвлеченные умы, занятые только собою. Именно такое отношение к действительности я встретил в одном одиннадцатом классе, который весь состоял из будущих кибернетиков. Это были деловые, трезво настроенные люди, которым не только не

мешала, но помогала и вдохновляла идея поэтической гармонии, тесно связанной с целесообразностью в их будущей работе.

Я всю жизнь интересуюсь искусством, в особенности живописью. Я поражен, с каким размахом и бескорыстием молодежь интересуется живописью. Будущее за мечтающей молодежью, хотя, естественно, ей предстоит нелегкая жизнь.

— Мне кажется, отсутствие жизненного опыта возмещалось в Сане Григорьеве бескомпромиссно ясным взглядом на вещи. Отчетливо представляя себе облик своего классового врага, опираясь на точное представление о том, что такое подлость, благородство, ложь, правда, он решал более частные проблемы. Эта ясность видения мира, по-моему, и создает светлый колорит ваших книг.

Что вы думаете о сегодняшних семнадцатилетних?

Категоричность в суждениях и выводах вообще присуща юности, но это не всегда самый верный путь к истине. Та полтора истории, в которой мы находимся, — полоса размышлений, тонкой беспристрастной оценки того, что произошло, это полоса изучения и самоизучения. Научный подход к действительности сейчас важнее. Это касается всех областей; истории страны и истории отдельного человека. Сейчас время размышлений и раздумий.

— Действительно, сейчас среди молодежи остро ощущается стремление самостоятельно решать жизненные проблемы. Я хотела задать вопрос о том, как вы связываете понятия «поэтический» и «научный» подход к действительности, потому что, мне кажется, ваши книги полемически направлены против древнего предрассудка, разделяющего людей на «художников» и «ученых». Но из того, что вы сказали, я могу сделать тот вывод, что поэтическое отно-

шение к жизни, полное предчувствия будущего, и вправду невозможно без аналитического, критического анализа прошлого и настоящего.

— Да, знак историзма стоит над всем, что происходит. К сожалению, мне не удалось принять участие в разговоре, который велся в журнале «Юность» о преступности среди молодежи. Конечно, это есть, и с этим надо бороться, но все-таки же силой прэзды. Для меня нет сомнений в том, что мы вступили в новую эпоху. Я ощущаю это и в том, как молодежь стала смотреть на далекие от практики вещи, и в том, как многое она пытается практически осуществить. И в литературе, кстати сказать, появилось много явлений, еще не достаточно понятых и оцененных.

Сейчас я очень интересуюсь современной живописью, пытаюсь на материале развития искусства лучше понять путь, пройденный литературой. В современной советской живописи, как и в литературе, очень много талантов. У нас есть вполне зрелые сложившиеся мастера, работающие по 20 — 25 лет. Я не сомневаюсь в том, что многие художники еще добьются давно заслуженного признания. Жаль, что выставки, и без того нечастые, длятся недолго. Живопись, как и литература, стала другой. Но это большой разговор.

— Вениамин Александрович, какими вам представляются отношения писателя с читателем? Отчетливо ли вы видите своего собеседника или же на ваш взгляд писатель находится в положении поэта, которого сравнивали с человеком, бросающим в море запечатанную бутылку?

— Мне кажется, читатель заинтересован сейчас не только в строгости композиции, в

совершенстве формы. Его волнуют размышления автора. Книга должна быть обращена к читателю, как речь. С читателем вы вступаете в разговор, в котором он сам принимает деятельное участие. Не учить, а ставить вопросы, самому задумываясь над ними, — такова должна быть позиция писателя. Мне очень близка толстовская идея самоанализа, лежащая в основе всей его деятельности. Именно в этом смысле наша литература может быть педагогичной.

Но для этого надо хорошо знать себя. А хорошо ли я знаю себя — не знаю. Школа самопознания — самая драгоценная литературная школа. Жизненный опыт должен быть использован как материал для размышлений, для самознания.

— Мне кажется, именно результатом такого художественного освоения вашего литературного и жизненного опыта является ваша последняя книга «Здравствуй, брат, писать очень трудно...»?

— Да, она написана в этом ключе, и в нем я буду продолжать работать. Сейчас я нахожусь в периоде попыток изучить собственный литературный путь с точки зрения нравственности писателя — основы всей литературы, особенно русской: без этого она не могла бы существовать. Как бы сказать об этом яснее?

Как-то в молодые годы мы с Ю. Н. Тыняновым гуляли в окрестностях Ленинграда. Вдалеке в облаке пыли показалась машина. Я хотел свернуть в сторону, но Тынянов остановил меня: «Пыль — как время, — сказал он. — Она еще далеко, а мы уже дышим ею».

Когда я благодарила В. А. Каверина, я думала о том, что облако времени задело и меня, и я вдруг почувствовала себя участником истории, книга которой пишется всю жизнь.

С. ЕРЕМИНА

ПОСЛЕДНЕЕ время каждый свободный день я иду в библиотеку Ленина и листаю подшивки старых газет и журналов. Полвека, прожитые нашим народом после Великой Октябрьской революции, превращаются в имена, речи, цифры планов, сводки Информбюро строчки праздничных стихов... И я чувствую, как недостаточно моего архивного опыта для того, чтобы все понять и оценить.

Поэтому первый вопрос, который я задала Вениамину Александровичу Каверину, был:

— Вениамин Александрович! Юность героев вашего романа «Два капитана» — одна из самых любимых книг нашей молодежи — совпала с первыми годами революции. Все они были поражены идеей социальной справедливости. Очевидно, это было главной идеей, которую принесла революция в их мир, именно она определяла их отношение к действительности.

— Действительно, эта идея, — ответил В. А. Каверин, — возникла у меня как насущная проблема современности и основа нравственного существования, когда в 1937 году я начал книгу «Два капитана». Это книга о справедливости; может быть, поэтому ее читает молодежь. Впрочем, справедливость — это та нравственная нота, к которой, мне кажется, прислушивается человек независимо от своего возраста. На то он и человек.

Уже давно я задумал написать книгу о десятиклассниках. Я ходил по школам, говорил с юношами и девушками, про-